

Л. Г. Печатинова

КСЕНОФОНТ И ЕГО ТВОРЧЕСТВО В ИССЛЕДОВАНИЯХ Э. Д. ФРОЛОВА

Ксенофонт был одним из любимых греческий историков профессора Эдуарда Давидовича Фролова. Этот интерес именно к Ксенофону зародился у него еще в студенческие годы и укрепился во время обучения в аспирантуре. Недаром его кандидатская диссертация, успешно защищенная в 1958 г., была посвящена именно Ксенофону¹. Э. Д. Фролов выбрал революционную для того времени тему, обратившись к сюжетам, связанным не с экономикой, а с политикой. Сам автор объяснял свой выбор тем, что в Ксенофоне, по его мнению, воплотились интересы той социальной группы, представители которой стояли у руля управления практически во всех греческих полисах. Это было сословие крупных частных земельных собственников.

Вспоминая свою работу над кандидатским сочинением, Э. Д. Фролов указывает, что уже в самом начале он был вынужден сузить поле исследования. Прежде всего это касалось источниковой базы: характеристика мировоззрения Ксенофонта была дана лишь на основании анализа его так называемых малых произведений (*Scripta minora*). Э. Д. Фролов также сознательно отказался от рассмотрения философских взглядов Ксенофонта.

---

¹ Фролов Э. Д. Жизнь Ксенофонта и его общественно-политические воззрения (преимущественно по «Малым сочинениям»): дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1958.

Процитируем собственные мысли Э. Д. Фролова, высказанные им вскоре по окончании работы над кандидатской диссертацией: «Но и то, что было сделано, оказалось очень полезным: во-первых, я попытался провести наше исследование таким образом, чтобы оно было строго фактическим в своей основе и в то же время было проникнуто определенной идеей, подчинено вполне определенному плану и преследовало определенную цель. Я смело могу сказать, что работа над Ксенофонтом велась в полном сознании того, что всякое научное исследование, независимо от своих целей и характера, должно непременно представлять собой единство фактического и теоретического исследования. Все пять лет, которые я в общей сложности “убил” на Ксенофонта, особенно последние три года (в аспирантуре), я работал по строго определенному плану, составленному именно с той целью, чтобы через фактическое изучение частного (Ксенофонта) теоретически осмыслить целое (полис). Я могу только пожалеть, что мне не удалось проделать того же на римском материале, хотя я и пытался в те же аспирантские годы начать обработку Цезаря. Впрочем, может быть, это еще не ушло от меня»².

В дальнейшем в своей исследовательской работе Э. Д. Фролов не раз обращался к Ксенофону. Целый ряд его статей самым тесным образом связан с именно с этой тематикой. В 1960-е гг. эта тема оставалась основной в его исследованиях. За этот период им была издана целая серия статей, в которых самым тщательным образом исследовались политические взгляды Ксенофонта. Назовем некоторые из этих статей: «Политические тенденции трактата Ксенофонта “О доходах”» (1963), «Обоснование тиранической формы правления в “Гиероне” Ксенофонта» (1964), «Ксенофонт и поздняя тирания» (1969).

Э. Д. Фролов ценил Ксенофонта не только как историка, но и как блестящего стилиста. Недаром его чуть ли не первыми переводами античных авторов стали именно

---

² Из дневниковых записей Э. Д. Фролова от 28 октября 1957 г. (домашний архив Елены Михайловны Фроловой).

переводы произведений Ксенофонта. Так в 1964 г. в «Хрестоматии по истории древней Греции» вышел его перевод трактата Ксенофонта «О доходах». А в 1976 г. совместно с В. Г. Боруховичем был издан перевод одного из важнейших трудов Ксенофонта — «Киропедии», своеобразного утопического романа, в котором афинский историк попытался воссоздать те условия, в которых возможно было бы воспитать идеального правителя. Работа над этим переводом шла параллельно с его изысканиями относительно взглядов Ксенофонта на воспитание в полумифической древней Персии, спроектированной явно по спартанским лекалам. Так появилась обширная статья Э. Д. Фролова в качестве приложения к его переводу «Киропедии» под названием «Идеальное государство персов в “Киропедии” Ксенофонта».

Интерес к греческой историографии, и в частности к Ксенофону, проявился и в создании Э. Д. Фроловым замечательных очерков, в которых последовательно рассматриваются жизнь и творчество наиболее значимых для классической Греции историков и философов. Среди них есть и главы, в которых много внимания уделено именно Ксенофону: это главы под названиями «Глашатаи новой политики» и «Концепция идеальной *политии* в литературе IV в.». Успех этих очерков Э. Д. Фролова под названием «Факел Прометея (очерки античной общественной мысли)» был таков, что книга выдержала три издания (1981, 1991, 2004).

У Э. Д. Фролова к Ксенофону было особое, я бы сказала, очень личное отношение. Ведь он вырос в стране, где любая личная инициатива, предприимчивость, жажда путешествий, желание участвовать в политической жизни часто оставались невостребованными. Талантливые и активные люди и в этих условиях искали и находили пути реализации своих способностей. Э. Д. Фролов сделал свой выбор в пользу науки об античности. Обращение к древней истории давало известную степень свободы, поскольку при выборе тем для исследования оставалась возможность руководствоваться собственными интересами и пристрастиями без особой оглядки на официальную идеологию.

Э. Д. Фролов еще в студенческие годы отходит от востребованных в 30-е – 50-е гг. тем рабовладельческой экономики и классовой борьбы в античности и обращается к проблематике, связанной с политическими коллизиями в Греции позднеклассического периода. Обращение непосредственно к изучению Ксенофонта во многом объясняется тем, что в нем Э. Д. Фролов видел не просто талантливую греческого историка. Ксенофонт был фигурой достаточно большого масштаба — одновременно и воином, и политиком, и дипломатом, и авантюристом, и одаренным писателем. Ксенофонт был близок с политиками, подобными Агесилаю; он уже смог оценить степень их влияния на ход греческой истории и описать их деятельность в самое критическое для Греции время — первую половину IV в. до н. э. Именно работа над Ксенофонтом вывела Э. Д. Фролова на тему о влиянии личности на исторический процесс и заставила обратиться к анализу тиранических режимов в позднеклассической Греции.

Остановимся на нескольких исследованиях, где в наиболее концентрированном виде представлены взгляды Э. Д. Фролова на Ксенофонта и его время. Прежде всего, это глава «Глашатаи новой политики» из его монографии «Факел Прометея», где речь идет именно о Ксенофоне. Сразу скажем, что это наиболее полный, насыщенный новыми идеями и теориями очерк жизни и творчества Ксенофонта. Он, конечно же, имеет самостоятельное значение и ценность. Но, с другой стороны, он может служить и важным дополнением к уже существующим на русском языке образцовым очеркам о Ксенофоне В. П. Бузескула (1915)³ и М. Е. Грабарь-Пассек (1955)⁴.

³ Бузескул В. П. Лекции по истории Греции. Т. 1: Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в. 3-е изд., перераб. Пг., 1915; 4-е изд. СПб., 2005.

⁴ Грабарь-Пассек М. Е. Ксенофонт // История греческой литературы / Под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. Т. 2. М., 1955. С. 101–127.

В начале главы достаточно кратко описан жизненный путь Ксенофонта. Э. Д. Фролов отметил, что «по насыщенности авантюрами его биография не знает себе равных, по крайней мере, среди писательских биографий»⁵. Эдуард Давидович особое внимание обращает на те шаги Ксенофонта, которые свидетельствуют об его стремлении сделать политическую карьеру и сравняться по своему статусу с ведущими политиками Афин. Так, Ксенофонт дважды во время возвращения греческих наемников из Азии предпринимал попытки (правда, неудачные) склонить их остаться в Понте и основать новый город (Anab., V, 6, 15; VI, 4, 1)⁶. Себя он при этом видел *de jure* ойкистом нового полиса, а *de facto* — владетельным князем.

Следующая попытка переломить судьбу и добиться успеха связана с переходом Ксенофонта на службу к спартанскому царю Агесилаю. По мнению Э. Д. Фролова, Агесилай произвел на Ксенофонта такое сильное впечатление, что последний только укрепился в своих прежних лаконофильских пристрастиях и до конца жизни оставался поклонником Агесилая и другом Спарты. Но поражение Спарты при Левктрах в 371 г. до н. э. и потеря ею Мессении непосредственно коснулись и Ксенофонта: он лишился имения в Скиллунте, полученного за верную службу Спарте, и превратился, по сути дела, в двойного изгнанника. Так что в целом, по словам Э. Д. Фролова, политическую карьеру Ксенофонта нельзя назвать удачной. Следующие три десятилетия Ксенофонт провел в Коринфе, где, видимо, посвятил себя уже исключительно творчеству.

Оценивая в целом литературное наследие Ксенофонта, Э. Д. Фролов подчеркивает, что все его произведения отличала «чрезвычайная политическая актуальность»⁷. В этом же очерке дан краткий обзор взглядов западных антиковедов на Ксенофонта. Э. Д. Фролов отмечает, что долгое время,

⁵ Фролов Э. Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л., 1991. С. 295.

⁶ Там же. С. 299.

⁷ Там же. С. 302.

особенно среди немецких филологов-классиков, Ксенофонт оценивался чрезвычайно низко, как поверхностный и неоригинальный писатель⁸. Э. Д. Фролов резко выступает против подобной точки зрения, приводя вполне убедительные аргументы в защиту Ксенофонта.

В своих исследованиях Эдуард Давидович рассматривает все написанное Ксенофонтом с точки зрения вклада того в формирование и развитие новых для Греции первой половины IV в. до н. э. доктрин — монархической и панэллинской. По его мнению, Ксенофонт как писатель был предтечей эллинизма и его идейным провозвестником⁹.

Характеризуя основные исторические произведения Ксенофонта, а именно «Греческую историю» и «Анабасис», Э. Д. Фролов называет их политическими памфлетами¹⁰. Конечно, отчасти это так, если иметь в виду их четкую и недвусмысленную политическую направленность. Э. Д. Фролов вполне справедливо видит в Ксенофонте писателя, выступающего с позиций идеолога полисной элиты. Именно эта тенденция была характерна для всех его произведений, относящихся к разным жанрам.

В очерке Э. Д. Фролова о творчестве Ксенофонта центральное место занимает анализ «Киропедии», этого первого в Европе полуутопического романа. Здесь в деталях представлен образ идеального правителя, как его себе представлял Ксенофонт. Э. Д. Фролов подчеркивает псевдоисторический колорит «Киропедии»¹¹. Он пишет о том, что Ксенофону моделью для его Кира послужил не столько исторический Кир Старший, сколько спартанский царь Агесилай, которым так восхищался афинский историк¹². Политический строй в «Киропедии» также мало напоминает ту персидскую монархию, с которой воевали греки: в псевдогосударстве Кира высшая власть принадлежала закону,

⁸ Фролов Э. Д. Факел Прометея. С. 303.

⁹ Там же. С. 304. Эта точка зрения может быть оспорена, но она имеет право на существование.

¹⁰ Там же. С. 306.

¹¹ Там же. С. 315, прим. 16.

¹² Там же. С. 316.

а не воле царя¹³. По наблюдениям Э. Д. Фролова, вся система управления в «Киропедии» явно указывает на то, что образцом для этого романа послужила отнюдь не реальная Персия, а Спарта, какой ее себе представляли поклонники этого государства — законофилы из других греческих полисов.

Но и Спарта, по образцу которой конструировалось идеальное государство персов, тоже не была вполне исторической Спартой. Это был ее улучшенный, идеальный вариант, который, по мнению Ксенофонта, если и существовал, то в прошлом. Э. Д. Фролов обращает внимание на то, что даже отдельные термины в «Киропедии» явно имеют спартанское происхождение. Так, высшее сословие персов обозначено в «Киропедии» термином ἰσότης, что, конечно, является чуть ли не прямой калькой со спартанских ἴσοι (равные). Комментируя этот термин, Э. Д. Фролов указывает на то, что «идеальное протогосударство персов обнаруживает очевидную сословно-цензовую заданность, столь милую сердцу... Ксенофонта»¹⁴. Характеризуя систему воспитания в этом романе, Э. Д. Фролов отмечает ее разительное сходство с системой спартанского воспитания¹⁵. В целом, по словам Э. Д. Фролова, «в основу модели положен именно спартанский строй, но, разумеется... в несколько модифицированном виде»¹⁶. В частности, Э. Д. Фролов усматривает сюжетное и идейное сходство восьмой главы VIII книги «Киропедии» и четырнадцатой главы «Лакедемонской политики». В обоих случаях после того, как со сцены уходит идеальный правитель (в Спарте — это реальный царь Агесилай, а в Персии — это Кир из «Киропедии»), государство настигает разложение и упадок¹⁷.

Интерес Э. Д. Фролова к самому Ксенофонту, а также к тем ярким персонажам, которые представлены в его «Hellenica» и «Анабасисе», проявился в его исследованиях, посвященных влиянию выдающихся личностей на ход

¹³ Там же. С. 316.

¹⁴ Там же. С. 317.

¹⁵ Там же. С. 318.

¹⁶ Там же. С. 320.

¹⁷ Там же. С. 324.

греческой истории. С начала 1970-х гг. проблема взаимоотношений так называемой сильной личности и государства становится центральной темой в исследованиях Э. Д. Фролова, посвященных кризису полиса.

Одной из таких работ стала статья Э. Д. Фролова под названием «Из предыстории младшей тирании»¹⁸. В ней рассматривается прежде всего судьба Лисандра, спартанского адмирала, принесшего Спарте победу в Пелопоннесской войне. По мнению Э. Д. Фролова, экстремальные обстоятельства, к которым можно отнести Пелопоннесскую войну, вызвали к жизни появление совершенно нового типа политиков, которым было уже тесно в узких рамках полиса. Пока шла война, их терпели, но по ее окончании полисное руководство постаралось минимизировать влияние слишком самостоятельных полководцев. И подобная практика была характерна не только для Афин, но и для Спарты. Э. Д. Фролов дает свое оригинальное объяснение тому факту, что по окончании Пелопоннесской войны Лисандр лишается своего влияния и оказывается в опале. По его мнению, консервативное лобби в спартанском правительстве оказалось достаточно влиятельным, чтобы лишить власти слишком активного и самостоятельного политика, каким был Лисандр. Э. Д. Фролов объясняет сдержанность, а иногда и полное молчание Ксенофонта касательно внутренних коллизий, приведших к отставке Лисандра, тем, что тот не хотел бросить тень на царя Агесилая и в целом на политику Спарты. Как не раз отмечал Э. Д. Фролов, лаконофильские пристрастия Ксенофонта и его стремление представить в лучшем свете Агесилая заставляли историка или замалчивать неприятные для реноме Спарты факты, или касаться их лишь вскользь¹⁹.

¹⁸ Фролов Э. Д. Из предыстории младшей тирании (Столкновение личности и государства в Спарте на рубеже V–IV столетий до н. э.) // Вестник древней истории. 1972. № 2. С. 22–40; в переработанном виде этот же материал см.: Фролов Э. Д. Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть). СПб., 2001. С. 109–136.

¹⁹ Фролов Э. Д. Из предыстории младшей тирании. С. 32 сл.

В этой статье Э. Д. Фролов обратил внимание на возникновение совершенно нового для греков явления — культа победоносного военачальника: Лисандру уже при жизни оказывали божественные почести. По мнению петербургского историка, это весьма симптоматичный случай — начало того процесса, который столетием позже приведет к прижизненному обожествлению эллинистических царей²⁰. Предшественником Лисандра в деле создания новых культов Э. Д. Фролов называет Брасида. После гибели Брасида в 422 г. до н. э. его в Амфиполе стали почитать как героя и ойкиста. Э. Д. Фролов трактует это явление как новшество, тогда впервые появившееся в Греции.

Принципиально новую точку зрения Эдуард Давидович высказал относительно сущности тех режимов, которые отчасти установил, отчасти поддержал Лисандр в союзных полисах. Э. Д. Фролов доказал, что это были не обычные олигархии, развившиеся естественным путем, а корпоративные тирании, приведенные к власти и поддерживаемые лично Лисандром²¹. То есть Лисандр успешно осуществлял за границей, то, чего никогда бы не смог сделать в Спарте. Э. Д. Фролов приводит целый ряд примеров, взятых у Ксенофонта или Плутарха, где речь идет о необычном для спартанца поведении Лисандра. Так, именно Лисандр «протолкнул» на трон Агесилая, пользуясь своим огромным авторитетом среди сограждан. Э. Д. Фролов обратил внимание на то, что Ксенофонт, в отличие от более поздних историков, ничего не говорит о планах Лисандра изменить спартанскую конституцию так, чтобы иметь возможность занять царский трон на вполне законных основаниях²². Молчание Ксенофонта Э. Д. Фролов объясняет нежеланием последнего вступать на скользкую почву «дворцовых» интриг и компрометировать как самого Лисандра, так и Агесилая, отвернувшегося от своего бывшего друга. Впрочем, Э. Д. Фролов не исключает, что сама версия

²⁰ Там же. С. 28 сл.

²¹ Там же. С. 30.

²² Там же. С. 32–33.

о реформаторских планах Лисандра возникла уже после его смерти в кругу тех, кто очень хотел его опорочить. Нельзя исключить, что кампанию по диффамации Лисандра организовал непосредственно Агесилай.

Э. Д. Фролов, проанализировав деятельность Лисандра на посту наварха и его многочисленные попытки удержать за собой власть, пришел к выводу, что в поведении Лисандра «угадывались контуры потенциального тирана». Этот вывод, по его словам, безусловно верен, даже если реформаторские планы Лисандра и были позднейшей выдумкой²³. Э. Д. Фролов обратил внимание на одно важное обстоятельство: Лисандр не воспользовался возможностью использовать заговор Кинадона для прихода к власти. Во всяком случае, Ксенофонт, посчитавший нужным подробно рассказать об этом заговоре, Лисандра среди заговорщиков или сочувствующих не называет.

* * *

Это отношение к Ксенофону как историку и замечательному писателю-стилисту проявилось и в выборе источников для чтения на аспирантских семинарах, которые Э. Д. Фролов вел в течение 60 лет, то есть практически на всем протяжении своей учебной и научной деятельности. Чтение древних авторов всегда сопровождалось самым подробным и тщательным историко-филологическим комментарием с акцентом именно на истории.

За годы ведения аспирантского семинара²⁴ Э. Д. Фролов часто обращался к чтению произведений Ксенофонта. В частности, читались и комментировались его большие произведения: «Греческая история», «Анабасис», «Киропедия». Читались также некоторые из его малых произведений, в частности, «Лакедемонская полития», «Агесилай»,

²³ Фролов Э. Д. Из предыстории младшей тирании. С. 36.

²⁴ Об этом семинаре лучше всего написал сам Эдуард Давидович: Фролов Э. Д. Вместо предисловия: Полувековой юбилей аспирантского семинара // Мнемон. Вып. 13. 2013. С. 8–12.

«Гиерон». Подобный выбор во многом объяснялся научными интересами самого Эдуарда Давидовича. Он живо интересовался политической историей Греции, особенно тем ее периодом, который начался с Пелопоннесской войны и закончился македонским завоеванием. По его мнению, произведения Ксенофонта лучше всего освещают этот сложный, наполненный многочисленными политическими коллизиями период греческой истории. Э. Д. Фролов, комментируя каждое предложение Ксенофонта, учил аспирантов самому главному в нашем деле — умению прочесть, понять и критически оценить любой источник, написанный по-древнегречески. Эти его пояснения, дополнения и собственные интерпретации тех или иных исторических реалий сопровождали чтение любого древнего автора и демонстрировали участникам семинара, как много можно извлечь информации чуть ли не из каждой прочитанной фразы. Это был замечательный опыт работы с текстом, в ходе которого постигалась сама суть источниковедческого анализа.

В конце нашего краткого и весьма выборочного обзора отметим, что особый интерес к Ксенофону Эдуард Давидович сумел передать своим ученикам. Для всех тех, кто у него учился, обязательным и главным императивом остается необходимость работы с источниками, умение искать и находить там ответы на вызовы современности.